

научной что ли объективностью характеризуется и творчество Горького, давшего в художественной форме картину социальной и культурной жизни его страны того времени. Имея в виду эпопею 40 лет России — роман *Жизнь Клима Самгина*, — Р. Роллан отмечал как одну из особенностей таланта Горького «обжигающее бесстрашие» глаза и ума художника, позволяющее ему схватить характерные черты с безошибочной точностью. Как истинный художник, с громадной силой чувствующий «общее состояние мира» (Гегель) — а по воздействию на литературную жизнь страны он мог бы быть назван одним из «властителей дум» своего времени — Горький не мог не отразить в своем творчестве и того нового, что возникло в жизни. И в его произведениях мы найдем психологическую картину, показывающую нам, как «незаметно, понемногу в разум русского человека просачивалось понимание несправедливости жизни, сознание необходимости перестроить ее», и как «это сознание сложилось в разумную силу», стряхнувшую «с плеч своих царя и всех, кто безжалостно сосал кровь ее»¹. Не случайно одна из румынских газет начала нашего века писала вскоре после свершения Октябрьской революции: «Великие преобразования в России понимаются намного легче, когда читаешь Горького и вспоминаешь насколько его творчество распространено во всех слоях русского общества»².

Были из современников писателя и те, кто упрекал Горького в перегруженности «впечатлениями земного бытия». Не лишена интереса история взаимоотношений между Горьким и его талантливым соотечественником — современником Л. Андреевым, в споре с которым сказалось как бережливое отношение первого к факту действительности, так и ярко выраженная субъективность со стороны Андреева, творчество которого эволюционировало в направлении к абстрагированию от мира реальности. Факты действительности, писал Горький Андрееву по поводу рассказа *Красный смех*, посвященного войне, «страшнее и значительнее твоего отношения к ним»³. Андреев не соглашался с Горьким, утверждая свое субъективное отношение к факту: «Мое отношение — также факт, и весьма немаловажный»⁴, — отвечал он. В этом обмене «репликами» можно также уловить отзвук того взаимного недопонимания, которое положит конец их многолетней «дружбе-вражде». Горький, естественно, не мог отрицать того, что художник отчасти творит действительность, что мысль художника, его «выдумка» преображает внешний мир: достаточно вспомнить мысли Горького о значении вымысла в творческом процессе, выраженные в афоризме «художественность» без «вымысла» — не возможна, не существует»⁵.

Действительно, мир самого Горького отличается, скажем, от мира Л. Толстого или Достоевского, а мир Садовяну от мира Ребрыну, ибо в их «воспроизведении действительности» выявляется духовный мир самого художника.

¹ М. Горький, *Собрание сочинений в 30 томах*, т. 24, Москва, ГИХЛ, 1953, стр. 182.

² «Scena», an II, nr. 212, 11 august 1918.

³ *Литературное наследство*, т. 72, Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка, Москва, изд-во «Наука», 1965, стр. 244.

⁴ Там же.

⁵ М. Горький, *Собрание сочинений в 30 томах*, т. 24, Москва, ГИХЛ, 1953, стр. 330.